

18+

ИЛАТАН

ДУРДОМ НА ЗЕМЛЕ

Илатан Илатан
Дурдом на земле

«Издательские решения»

Илатан И.

Дурдом на земле / И. Илатан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-685201-3

Уютная сказка окончена. Добро пожаловать в игру по-крупному. Древний механизм «Кронос» похищает у людей их мечты, превращая человечество в армию выгоревших призраков. И спасти этот мир предстоит не героям в сияющих доспехах, а обычному программисту, уставшему скульптору и женщине-аналитику, которая доверяет цифрам, а не сердцу. Это эпический квест и метафизический боевик, где герои, чтобы спасти мир, должны сначала спасти самих себя. Путешествие, где главное оружие — не меч, а смех.

ISBN 978-5-00-685201-3

© Илатан И.

© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ЧАСТЬ I. ИСЦЕЛЕНИЕ ОТ СЕБЯ	7
Глава 1. Мастерская молчания	7
Глава 2. Крепость из цифр	9
Глава 3. Аудит в филиале души	11
Глава 4. Прибытие и аномалии	13
Глава 5. Доктор сказал в морг, значит, в морг	16
Глава 6. Лес, который смотрит в тебя	18
Глава 8. Точка отчаяния. Рождение Тишины	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дурдом на земле

Илатан

Иллюстратор Мария Викторовна Вереевская

© Илатан, 2025

© Мария Викторовна Вереевская, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0068-5201-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Серия «Дневник Одной Реки»

Эта серия книг – не сборник. Это – путь.

Вернее, протокол одного путешествия. Путешествие в четырёх актах через лабиринты сознания, которое отчаянно ищет выход из своей собственной тюрьмы.

Это – не учебник. Это – исповедь. Дневник одного сна.

Я не знаю, где на этом пути находишься ты.

Может быть, ты, как и я когда-то, пытаешься построить себе уютный, волшебный дом из сказок, чтобы спрятаться от холода реальности.

Тогда для тебя — Том I, «Дзен в валенках».

Может быть, ты уже вышел из дома и теперь чертишь карты, пытаешься проанализировать этот безумный мир и найти в нём своё отражение.

Тогда для тебя — Том II, «Дурдом на Земле».

А может, ты уже устал от карт и схем и теперь строишь одну, последнюю, всеобъемлющую теорию, которая объяснит всё – от пригоревших котлет до замысла Творца.

Тогда для тебя — Том III, «Последняя Дверь».

Или, может быть, ты, как и я, уже сжёг все свои теории. Ты стоишь на пепелище всех своих верований, и из самой глубины твоего существа поднимается один-единственный, голый, как кость, вопрос: «И зачем, спрашивается, всё это?».

Тогда для тебя — Том IV, «В Пепле».

Эти книги – не ответы.

Это – просто следы. Следы того, кто шёл перед тобой.

Они не для того, чтобы ты шёл по ним.

Они для того, чтобы ты, увидев их, набрался смелости и пошёл своей собственной, уникальной, ни на что не похожей дорогой.

Или – понял, что идти никуда и не нужно.

Добро пожаловать в путешествие.

Или – добро пожаловать домой.

Какая, к чёрту, разница.

Ха-ха.

Илатан

Посвящение

Моим внутренним ШУТУ, ФИЗИКУ, ИГРОКУ и КОНТРОЛЁРУ – за то, что никогда не давали мне покоя.

И ТИШИНЕ – в которой их голоса наконец обрели смысл.

Выбор был не между Порядком и Хаосом. А между мёртвым совершенством и живым несовершенством.

ЧАСТЬ I. ИСЦЕЛЕНИЕ ОТ СЕБЯ

Глава 1. Мастерская молчания

Дерево молчало.

Не глухо, как камень. Скорее, высокомерно. Огромный, почти чёрный срез морёного дуба, пролежавший триста лет в речном иле, казался не материалом, а личностью. Древней, замкнутой, полной тихой, тёмной силы. Он смотрел на Станислава с холодным, несокрушимым безразличием.

Стас стоял посреди своей московской мастерской – пространства, которое он когда-то любил, а теперь ненавидел. Идеальный свет, дорогие немецкие стамески на магнитных держателях, бесшумная система вентиляции. Всё это было похоже не на приют художника, а на стерильную операционную, где раз за разом должна была состояться операция по извлечению шедевра. Но пациент – его дар – был мёртв.

Он был не один. В метафизической «курилке» его души вечное представление никогда не прекращалось.

– Начинается, – промурлыкал **Шут**, откинувшись в кресле. – Акт первый, картина третья. «Творец и строптивая деревяшка». Обожаю его лицо в этот момент. Смесь вселенской скорби и запора.

– Анализирую, – отозвался **Физик**, не отрываясь от светящейся схемы его нервной системы. – Уровень кортизола повышен. Творческий блок вызван конфликтом эго-установки «я должен» и истощением нейронных ресурсов. Система на грани сбоя.

– Хватит болтать! – рявкнул **Игрок**, подбрасывая игральную кость. – Делай ход! Любой! Ударь по нему, плюнь, подожги!

И чуть в стороне, в тени, где шум голосов стихал, молчала **Тишина**.

Именно этот хор и звучал в его голове, пока он стоял перед упрямым куском дуба.

Он протянул руку и коснулся гладкой, холодной поверхности. Раньше он чувствовал ответ – едва заметную вибрацию, тепло, шёпот узора. Теперь его ладонь ощущала лишь собственную неловкость.

Он взял в руки резец. Сталь легла в ладонь привычно, но чуждо, как протез.

«Тремор рук, – констатировал Физик. – Угол приложения силы неверен. Траектория движения неоптимальна. Ты нарушаешь законы механики».

– Заткнись, – прошептал Стас в пустоту.

«А помнишь, как раньше? – подхватил Шут. – Вжик – и птица! Ты был волшебником! А теперь ты просто дровосек с дипломом. Может, напьюсь?»

– И ты заткнись.

Стас закрыл глаза. Вдохновение. Что это было? Состояние, когда исчезал он, Станислав, со всеми его страхами и счетами за квартиру. Оставались только руки и дерево в их безмолвном, древнем диалоге. Теперь Бог выключил для него телефон.

«Давай! – подзуживал Игрок. – Поставь всё на этот рез! Вдруг прорвёт?»

– Хоть ты помолчи...

Он открыл глаза, приставил резец к дереву.

Рука дрогнула.

Стальное лезвие соскользнуло, оставляя на идеальной тёмной поверхности уродливую белёсую царапину. Шрам.

Дерево, казалось, вздрогнуло от омерзения. И замолчало окончательно.

Внутри Стаса что-то оборвалось. С глухим, яростным рыком он отшвырнул резец.

– Да пошло оно всё!

Он схватил тяжёлую киянку и со всей силы ударил по срезу дуба. Глухой, тошнотворный звук. На поверхности осталась уродливая вмятина. Он не просто повредил заготовку. Он чувствовал, что убил её.

Ярость схлынула, оставив после себя выжженную пустоту. Он посмотрел на свои руки. Большие, сильные. Теперь – чужие, неуклюжие культи.

«Агрессия сброшена, – доложил Физик. – Потенциальная энергия перешла в кинетическую с нулевым КПД. Материал приведён в негодность».

«Браво! – аплодировал Шут. – Какая экспрессия! А теперь – акт второй. Бутылка виски и долгий, печальный взгляд в окно. Публика ждёт».

Но Стасу было всё равно. Он не чувствовал ничего. Только оглушающую тишину. Тишину мёртвого дерева. Тишину своей души.

Он повернулся, вышел из мастерской и шагнул в гулкий, равнодушный шум вечерней Москвы.

Глава 2. Крепость из цифр

Вероника ненавидела погрешности.

В её мире всё должно было сходиться. Дебет с кредитом, план с фактом, ожидания с реальностью. Хаос был для неё не просто неприятностью. Он был личным оскорблением, свидетельством её некомпетентности, предвестником катастрофы.

Она сидела в стеклянной переговорной на сорок седьмом этаже башни в «Москва-Сити». За панорамным окном, в сгущающихся сумерках, пульсировал огнями гигантский, стихийный, не поддающийся учёту организм города. Ника смотрела на него не с восторгом, а с тревогой, как смотритель маяка на штормовое море. Столько неучтённых переменных.

А здесь, в её мире, всё было под контролем.

– ...таким образом, – её голос был спокоен и холоден, как сталь, – отдел маркетинга демонстрирует снижение конверсии на двенадцать процентов. Павел, я жду не оправданий про «нестабильность рынка», а чёткого алгоритма действий. У вас 48 часов.

Молодой человек по имени Павел побледнел и вжал голову в плечи. Ника не повышала голос. Она просто озвучивала неопровержимые данные. И это было страшнее любого крика.

«Так, с этим разобрались, – произнёс в её голове знакомый, едкий и вечно недовольный голос. – Но это мелочи. Не расслабляйся. Ты же знаешь, где настоящая проблема. Та, которая не решается».

Этот внутренний голос, который она называла **Контролёром**, был её силой и её проклятием. Он появился давно, ещё в детстве, как единственное средство выживания в хаосе квартиры с пьяным отцом и беспомощной матерью. Его задача была простой: предвидеть все возможные катастрофы и предотвратить их. Он никогда не хвалил. Он только указывал на ошибки и потенциальные угрозы. И Ника была уверена, что этот голос – и есть она. Её здравомыслие. Её стержень.

Она закончила совещание и вернулась в свой кабинет – такой же стеклянный, прозрачный, как и всё в этом здании. Она была на вершине. Заместитель директора по стратегическому развитию в тридцать пять лет. Собственная квартира с видом на реку. Идеальная репутация.

Идеальный, до мелочей просчитанный проект под названием «Жизнь Ники».

И только один элемент в этой безупречной системе постоянно давал сбой.

Она посмотрела на экран телефона. Новых сообщений не было. Она открыла чат со Стасом. Последнее сообщение было её, утреннее: «Не забудь принять витамины. Люблю тебя». Он его даже не прочитал.

«Ну вот, опять, – зашипел Контролёр. – Он тебя игнорирует. Демонстративно. А ты снова не знаешь, что делать. Проект „Счастливый брак“ трещит по швам, Вероника. Провал близок».

Её муж, её самый главный, самый любимый и самый живой проект, выходил из-под контроля.

Она открыла на компьютере файл, защищённый двойным паролем. На экране развернулась сложная паутина графиков. Это было её святилище. Её тайная лаборатория по изучению её мужа. Заголовок гласил: «Проект „Стас“. Динамика творческой продуктивности». Синяя кривая последние полгода неуклонно ползла вниз. Красный график «Уровень удовлетворённости жизнью» повторял её траекторию.

Ника всё проанализировала. Она изменила его диету. Купила ему абонемент в фитнес-клуб. Она пыталась вычислить формулу его вдохновения. И с каждым новым графиком она чувствовала, как он отдаляется всё больше.

В её идеальном мире, где у каждой проблемы было решение, Стас был нерешаемым уравнением. И это сводило её с ума. Это был вызов её картине мира. Если она не может решить эту задачу, значит, вся её система – ложь. Значит, хаос может победить.

Этот страх был глубже, чем страх потерять его. Это был страх снова стать той маленькой, беспомощной девочкой из своего детства, запертой в тёмной, непредсказуемой комнате.

На телефон пришло сообщение. Стас.

Одно слово: «Ночую в мастерской».

«Провал, – констатировал Контролёр с ледяным спокойствием. – Полный провал. Он сбежал. Ты его потеряла. Ты всё сделала не так. Ты слабая. Ты не справилась».

Паника, острая, как укол адреналина в сердце, пронзила её. Она вскочила, начала ходить по кабинету. Сидеть и ждать было невыносимо. Нужно было действовать. Нужно было вернуть контроль.

– Замолчи, – прошептала Ника, обращаясь к голосу в своей голове.

Она заставила себя сесть. Закрыла глаза. Дышать. Так учили на тренингах по стресс-менеджменту.

«Так, соберись, тряпка! – рявкнул Контролёр. – Эмоции – это для неудачников! Быстро составляй план! План А, План Б! Ты же не хочешь закончить, как мать, правда?»

Она открыла глаза. Страх ушёл, сменившись холодной, яростной решимостью.

Она открыла новый файл. Название документа: «Проект „Перезагрузка“. Этап 1: Смена среды». Она начала быстро, лихорадочно печатать. Дауншифтинг. Деревня. Полная изоляция от раздражителей. Новая, контролируемая среда. Она не спасала его. Она спасала свой рушащийся мир.

Это был идеальный, самый логичный план.

И она ещё не знала, что это был её первый шаг навстречу настоящему, неконтролируемому безумию.

Глава 3. Аудит в филиале души

Сообщение на экране телефона было коротким, как выстрел.

«Ночую в мастерской».

Ника смотрела на него, и её мир, до этого момента идеально упорядоченный, начал рассыпаться. Это было не просто сообщение. Это был акт неповиновения. Бунт. Её самый важный проект выходил из-под контроля и демонстративно покидал периметр.

«Критическая ошибка, – холодно произнёс её Контролёр. – Партнёр покинул общую территорию. Контроль утрачен. Протокол „Вечерний диалог“ невозможен. Требуется немедленное физическое вмешательство для восстановления статус-кво».

Паника, ледяная и острая, пронзила её. Просто сидеть и ждать было невыносимо. Это означало бы признать своё поражение. Признать, что хаос победил.

– Нет, – сказала она в пустоту своего безупречного кабинета. – Этого не будет.

Она схватила сумку, ноутбук и вышла. Её каблук чеканил по мраморному полу холла яростный, отчётливый ритм. Она не ехала к мужу. Она ехала на срочный аудит в проблемный филиал.

Мастерская Стаса находилась в старом промышленном здании на окраине города. Ника ненавидела это место. Оно пахло пылью, скипидаром и поражением. Она нажала на кнопку звонка. Тишина. Нажала ещё раз, дольше. За дверью послышались тяжёлые, шаркающие шаги.

Дверь открыл Стас. Он был не похож на себя. Растрёпанные волосы, красные от усталости глаза, майка в пятнах краски. Он смотрел на неё без удивления, но с глухой, непробиваемой отстранённостью.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

– Ужинать, – ответила она, проходя мимо него внутрь. В руках у неё был бумажный пакет из дорогого ресторана здорового питания. Идеально сбалансированный ужин. Её попытка навязать свой порядок его хаосу.

Мастерская была похожа на поле боя после поражения. Разбросанные инструменты, обломки дерева. В центре, как поверженный идол, стоял испорченный срез морёного дуба с уродливой вмятиной посередине. Воздух был тяжёлым, пахло остывшим гневом и бессилием.

«Среда враждебна, – проанализировал её Контролёр. – Уровень энтропии превышает допустимые нормы. Запах скипидара – потенциальный аллерген. Зафиксируй. Это ещё один аргумент в пользу неэффективности данного пространства. Используй это в презентации».

Ника поставила пакет на единственный чистый угол стола.

– Мы должны поговорить, – сказала она.

– Я не хочу говорить, Ника. Я хочу, чтобы меня просто оставили в покое.

– Это неэффективно, – отрезала она, переходя на свой привычный, деловой тон. – Игнорирование проблемы не приводит к её решению. Я проанализировала нашу ситуацию.

Стас горько усмехнулся и сел на высокий табурет, отвернувшись от неё. Он смотрел на изуродованное дерево.

Она восприняла его молчание как знак согласия слушать. Она достала ноутбук, открыла его прямо на верстаке, среди стружки и пыли. Экран, загоревшийся холодным синим светом, выглядел в этом полумраке порталом в другой, чужеродный мир.

– Уровень стресса в мегаполисе, экология, информационный шум – всё это негативно влияет на когнитивные и творческие функции. Твоё состояние – не твоя вина. Это системная ошибка среды.

Он молчал. Он смотрел на дело своих рук – на эту уродливую рану на дереве – и видел в ней отражение своей собственной души.

– Я нашла решение, – торжественно объявила Ника.

На экране появилась презентация. Заголовок гласил: «Проект „Перезагрузка“. Оптимизация жизненной среды как инструмент для восстановления творческого потенциала».

Она начала говорить. О чистоте воздуха в Тверской области, о преимуществах органических продуктов, о нейробиологии. Её голос звучал здесь, в этом храме боли, чудовищно неуместно. Как лекция о пользе диет на поминках.

Стас её не слушал. Он слышал только одно: «Ты сломался. Я тебя починю».

– ... таким образом, временный переезд в экологически чистое, изолированное пространство является наиболее рациональным и эффективным решением нашей текущей проблемы, – закончила она и посмотрела на него выжидательно.

Он медленно повернул голову. Он посмотрел на её уверенное, правильное лицо. На её презентацию с графиками. А потом на разгром в своей мастерской. На свою жизнь. И почувствовал не гнев. А огромную, вселенскую усталость.

И в этот момент, сквозь гул голосов в его голове, пробился едва слышный шёпот. Голос Тишины. Он не говорил словами. Он показал ему образ. Лес после дождя. Запах мокрой земли. Тишина, в которой слышно, как растёт трава.

И Стас, измученный, опустошённый, цепляясь за этот образ как утопающий за соломинку, вдруг понял, что ему всё равно. Любой побег из этой стеклянной клетки, из этой операционной, которую она называла домом, из этой мастерской, ставшей для него камерой пыток, – был спасением.

– Хорошо, – тихо сказал он.

Ника замерла. Она ожидала сопротивления, спора, обид. А получила простое «хорошо».

«Предложение принято, – удовлетворённо произнёс её Контролёр. – План сработал. Ты молодец, Ника. Ты снова всё взяла в свои руки».

Она не поняла, что он согласился не с её планом. Он согласился на побег. Любой ценой.

– Отлично, – она улыбнулась своей деловой, победительной улыбкой. – Я уже составила дорожную карту. Поиск и анализ подходящих объектов, логистика, развёртывание инфраструктуры... Я всё возьму на себя.

Она закрыла ноутбук. Вопрос был решён. Она победила.

Она подошла к нему, коснулась его плеча. Он вздрогнул.

– Всё будет хорошо, – сказала она. – Я всё решу.

Она ушла, оставив на верстаке нетронутый пакет с полезной едой. Стас ещё долго сидел в тишине, глядя на изуродованное дерево.

Он не знал, будет ли хорошо. Но он знал, что его московская жизнь только что закончилась. Он ехал в ссылку. И эта ссылка была его единственной надеждой на спасение.

Глава 4. Прибытие и аномалии

Дом был похож на старого, уставшего зверя, вросшего в землю по самое брюхо. Мшистая крыша просела под тяжестью лет, тёмные от времени брёвна хранили молчание о сотнях прожитых здесь жизней, а маленькие, подслеповатые окна смотрели на мир с дремотной мудростью. Он не был живописным. Он был настоящим.

Ника стояла у калитки, скрестив руки на груди.

«Так, ну и сарай, – прошипел в её голове Контролёр. – Сырость, грибок, проводка со времён царя Гороха. Катастрофа. Ты уверена, что это была хорошая идея, Вероника? Выглядит как очередной провал».

– Корреляция между уровнем влажности и потенциальным риском грибковой инвазии составляет ноль целых восемьдесят три сотых, – произнесла она вслух, чтобы заглушить внутренний голос.

Стас, стоявший рядом, не слушал. Он глубоко, до головокружения, втянул носом воздух. Воздух пах сырой землёй, прелой листвой, дождём и чем-то ещё – терпким, горьковатым, забытым.

– Пахнет домом, – сказал он. В его голосе прозвучали нотки, которых Ника не слышала уже очень давно, – нотки интереса.

«Домом? – хмыкнул Шут. – Скорее, склепом. Зато каким живописным! Идеальные декорации для драмы „Последние дни Помпеи“».

Они вошли внутрь. Дом встретил их запахом остывшей печи, пыли и сушёных трав. В центре огромной комнаты царила русская печь – белая, потрескавшаяся, похожая на спящего белого медведя.

Ника тут же перешла в режим проджект-менеджера.

– Так, – она хлопнула в ладоши, и звук утонул в гулкой тишине. – Первый спринт: развёртывание инфраструктуры. Стас, твоя задача – первичная инспекция. Я займусь связью и энергообеспечением.

Стас кивнул и, словно во сне, пошёл бродить по дому. Он не инспектировал. Он слушал. Он прикасался ладонью к шершавым, тёплым брёвнам, к холодному боку печи. Пустота, от которой он бежал из Москвы, приехала сюда вместе с ним.

А Ника уже священнодействовала. Из багажника их блестящего внедорожника были извлечены боксы с оборудованием. Роутер-паук, усилители сигнала, умные датчики. Она работала как киборг-паучиха, быстро и точно оплетая старый дом сетью проводов и сигналов, создавая свой, понятный ей порядок поверх векового, непонятного хаоса.

В самом тёмном и пыльном углу за печкой домовой Веденей брезгливо дёрнул усом. Опять. Снова эти городские со своим Мороком. Мужик, хоть и «глухой» сейчас, был из понятного теста – от него пахло деревом. А вот баба... От неё несло холодом кремния, озоном перегретых микросхем и звенящей пустотой цифры. Её Морок был математическим. Он не кричал. Он вычислял.

Веденей был хранителем этого дома уже триста лет. Он чувствовал дом, как своё тело. И он чувствовал людей, которые в нём поселились.

Сначала он хотел их просто выжить. Но, приглядевшись, он замер. Он увидел двух тяжелобольных. У мужчины душа была словно заперта в стеклянной банке. А женщина... её душа была похожа на идеальную, но пустую таблицу в Excel.

Веденей знал, что его мелких пакостей здесь не хватит. Это был глубокий, системный сбой. Он вздохнул. Придётся звать Ядвигу. Он ненавидел это делать – после её визитов вечно приходилось три дня выметать из углов куриный пух. Но случай был тяжёлый.

Ника щёлкнула тумблером на главном блоке.

– Сеть стабильна. Скорость – сто мегабит, – констатировала она с удовлетворением. Она подошла к Стасу, который застыл у окна. – Я скачала тебе курс по японской технике резьбы «курунуки». Высочайший рейтинг. Поможет сгенерировать новые нейронные связи.

Стас медленно поднял на неё глаза. В них была такая тоска, что любой её график показал бы пиковое отрицательное значение.

И в этот момент Веденей решил, что пора. Он потянул за невидимую ниточку и чуть-чуть «закоротил» поток данных, идущий к роутеру.

На ноутбуке Ники погас индикатор сети. Интернет пропал.

– Нестабильное соединение, – пробормотала она. – Странно. Сигнал идеальный. Помехи на линии.

«Ну вот, началось, – зашипел её Контролёр. – Провал. Даже здесь ты не можешь всё предусмотреть. Ты плохой менеджер, Вероника».

Пока Ника вела свою войну с невидимым врагом, Стас вышел на крыльцо. Он сел на ступеньку, вытертую до блеска ступеньку. Его рука сама, без всякой мысли, легла на тёплое, шершавое дерево. Он бессознательно провёл пальцами по глубоким трещинам. И сквозь толщу его апатии пробился слабый отклик. Не мистический, а простой, тактильный. Дерево ответило ему своим молчаливым теплом.

Ника, потерпев поражение в битве с роутером, перешла к плану «Б». Она достала умную колонку.

– Алиса, – её голос прозвучал в древнем доме чужеродно, – диагностика помещения.

– Диагностирую, – отозвался синтезированный женский голос.

Веденей, видя это, решил усилить эффект. Он собрал в кулачок немного домовой тоски и щелчком пальцев отправил её в динамик.

– В помещении присутствуют: один человек, тип «логик-контролёр»; один человек, тип «интуит-в-ступоре»; и одна аномальная сущность, классификации не поддается. Рекомендую проверить... помехи... домовых.

Ника застыла.

– Повтори последний пункт.

– Повторяю, – проскрипел вдруг голос колонки, пропущенный через фильтр домовой ворчливости. – Не лезь, девка, со своими железками в живую душу. Ни в его, ни в домовую. А то не только интернет, но и здравый смысл потеряешь.

Ника молча выдернула вилку из розетки. Она подошла к тёмному окну. В стекле отражалось её напряжённое лицо. За её плечом, в сумраке, стоял вернувшийся в дом Стас. А между ними на долю секунды промелькнула третья тень – маленькая, сгорбленная, с пронзительными глазами-угольками.

– Ты это видел? – шёпотом спросила она.

– Я это... почувствовал, – так же тихо ответил он.

Их взгляды встретились. Это был уже не взгляд аналитика и объекта, а взгляд двух людей, столкнувшихся с чем-то необъяснимым.

Веденей, наблюдавший за сценой, кивнул. Первый этап пройден. Он закрыл свои крошечные глазки и отправил мысленный образ, зов, по древней, как мир, сети, сотканной из корневых деревьев. Образ был простой: два заблудившихся птенца в старом гнезде и короткое слово: «Пора». Этот зов был адресован той, кто всегда слышала шёпот леса. Хозяйке Болот. Ядвиге.

Ночью они лежали рядом в холодной постели. Ника не могла уснуть. Она села за ноутбук, запустила диагностику. Всё было в норме. Её Контролёр молчал, не в силах обработать произошедшее. Это пугало и странным образом... возбуждало.

Стас тоже не спал. Он слушал. И в этой густой, живой тишине, подготовленный тёплым прикосновением старой ступеньки, он начал различать не просто пустоту. Он начал различать... присутствие. Спокойное, ворчливое, древнее.

Веденей, убедившись, что его зов услышан, вылез из своего укрытия. Он подкрался к окну и нацарапал на пыльном подоконнике короткое сообщение. Такие надписи проступают лишь для тех, кто находится в состоянии вопроса, в состоянии тихой открытости. Ника, с её сфокусированным на поиске решений умом, не увидела бы ничего. А вот Стас... Стас был готов.

«Доктора вызывали? Ждите».

Глава 5. Доктор сказал в морг, значит, в морг

Утро встретило их расколом.

Ника проснулась с чётким планом действий, который её Контролёр сгенерировал за ночь: провести полную диагностику электросети и написать разгромную жалобу интернет-провайдеру. Её мир, пошатнувшийся вчера, должен был быть восстановлен с помощью логики.

Стас проснулся от луча солнца. Шум в голове стих, и на его место пришла звенящая, любопытная тишина. Он встал, подошёл к окну и увидел на пыльном подоконнике нацарапанные слова:

«Доктора вызывали? Ждите».

«Интересно, – прозвучал в его голове голос Шута. – То ли у нашего домового отличное чувство юмора, то ли у тебя поехала крыша. В любом случае, становится веселее».

– Ника, иди сюда, – тихо позвал он.

Ника подошла с планшетом в руке, уже погружённая в схемы электропроводки.

– Что это? – она провела пальцем рядом с надписью, брезгливо стряхивая пыль. – Наверное, предыдущие жильцы. Или ты ночью лунатил?

– Этой надписи вчера не было, – спокойно прервал её Стас. Он просто *знал*.

– Нелогично, – отрезала Ника, одним словом отменяя реальность, которая не вписывалась в её систему. Она вернулась к своим графикам.

Мир Стаса наполнился ожиданием. Мир Ники – борьбой.

Ближе к полудню, когда Ника почти победила роутер, снаружи послышался звук. Прерывистый, кашляющий, похожий на то, как если бы гигантский шмель пытался завестись на морозе.

– Что за... – Ника подошла к окну. Стас уже был там.

С неба, виляя из стороны в сторону и извергая клубы сизого дыма, к их участку приближался невероятный летательный аппарат. Он был похож на гибрид старой дубовой бочки, двигателя от газонокосилки и квадрокоптера, собранного безумным гением.

«Анализирую... – прозвучал в голове Стаса голос Физика и тут же заглох. – Данные... отсутствуют. Законы аэродинамики... не применяются. Система... зависла».

«Снимаю илляпу, – благоговейно прошептал Шут. – Я писал много бредовых сценариев, но такого... Автор этого перформанса – гений. Я замолкаю и просто смотрю».

Стас молчал. В его голове наступила полная, оглушительная тишина. Он чувствовал, как по спине бегут мурашки. Не от страха. От узнавания.

«Ступолёт», как его можно было бы назвать, с последним отчаянным чихом рухнул посреди их двора. Дверца, сделанная из старой жестяной вывески «Продукты», откинулась, и из бочки, кряхтя, начала выбираться невысокая, жилистая старуха.

На ней был цветастый сарафан поверх кожаной лётной куртки. На голове – повязанный по-деревенски платок, а на глазах – огромные сварочные очки, которые она с треском сдвинула на лоб.

– Тьфу! – сплюнула она на землю. – ГЛОНАСС этот ваш – хуже Сусанина! Веденей! Старый ты пень, ты где? Принимай гостью!

Из-за угла дома высунулась знакомая сторбленная фигурка.

– Опять ты на этом драндулете, Ядвига, – проворчал он. – Всех ворон распугала. Не могла по-тихому, на метле?

– От метлы, милок, радикулит, – отмахнулась старуха. – Технологии!

Она зорко оглядела застывших на крыльце Нику и Стаса. Её глаза, маленькие и невероятно яркие, сканировали их насквозь.

– Так, – деловито сказала она. – Доктора вызывали? Вот и я. Веденей говорит, тут у вас системный сбой. У одного процессор перегрелся, у другой – операционная система зависла. Будем лечить.

Ника первой вышла из ступора.

– Простите, вы кто? – её голос был стальным. – Это розыгрыш?

Яга подошла к ней вплотную и заглянула в глаза.

– Розыгрыш, милая, это твоя жизнь. Думаешь, что всё контролируешь, а сама – как белка в колесе. У тебя в голове цифры, а в сердце – паутина. Сквозняк гуляет. Оттого и холод.

Она развернулась к Стасу. Она мягко взяла его большую руку в свою, сухую и морщинистую.

– А у тебя, сокол, руки золотые, да только душа оглохла. Тишина в ушах – не покой, а страх. Забыл, как с деревом говорить, вот оно тебе и не отвечает.

Ника открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. Эта невозможная старуха за минуту описала их состояние точнее, чем психотерапевт за полгода.

Стас стоял, и тишина в его голове была почти физически ощутимой. Голоса молчали. Не было ни анализа Физика, ни сарказма Шута. Была только пронзительная, обезоруживающая правда слов этой женщины, которая вошла прямо в сердце, миновав всех внутренних критиков.

– Значит, так, пациенты, – хлопнула в ладоши Яга, направляясь в дом. – Лечение будет амбулаторное, но интенсивное. Для начала надобно мне приготовить одно снадобье. А для него не хватает главного ингредиента. Пойдёте и принесёте.

Она обернулась, и в её глазах блеснули озорные огоньки.

– Надобно мне... Живой Тишины.

– Что? – переспросила Ника. – Это оксюморон. Тишина не может быть живой. Это отсутствие звуковых колебаний.

– Вот потому тебе и надо за ней идти, цифровая ты моя, – хмыкнула Яга. – Чтоб поняла, что не всё в мире в твои формулы укладывается. А ты, – она повернулась к Стасу, – чтоб услышал её.

– Где... где её искать? – выдавил из себя Стас.

– А там, – Яга неопределённо махнула рукой в сторону самого тёмного участка леса. – За Кривым Ручьём, где тень от полудня не ложится. И чтоб к закату принесли. А не то... – она хитро прищурилась, – ваш дом в тыкву превращу. Шучу.

Она подмигнула.

– Или нет.

С этими словами она прошла в дом, по-хозяйски заглянула в холодильник, достала банку солёных огурцов и уселась на лавку, оставив Нику и Стаса стоять посреди двора в полном недоумении.

Стас посмотрел на Нику. Ника посмотрела на Стаса. В их глазах было одно и то же чувство – тотальная растерянность.

– Она сумасшедшая, – сказала Ника. Но в её голосе не было уверенности.

– Может быть, – ответил Стас. – Но она... права.

Он посмотрел в сторону леса. Туда, где тень от полудня не ложится. И, к своему удивлению, почувствовал не апатию, а укол почти забытого азарта.

«Ход! – вдруг азартно воскликнул в его голове Игрок, очнувшись первым. – Наконец-то! Неважно, что это, неважно, куда! Это – ход! Ставлю всё на этот квест!»

Квест начался.

Глава 6. Лес, который смотрит в тебя

Они стояли на пороге леса, как перед входом в чужой, незнакомый храм. Солнце осталось за спиной, а впереди начинался мир глубоких теней, влажных запахов и тишины, которая, казалось, была гораздо старше самого дома.

– Туда, – тихо сказал Стас, указывая в самую густую, почти чернильную чашу.

Ника оторвала взгляд от планшета, на котором уже была загружена спутниковая карта местности.

– Почему туда? – в её голосе прозвучали стальные нотки. – Это нелогично. Там нет тропы. Судя по карте, местность болотистая. Риск дезориентации – восемьдесят семь процентов.

«Ну да, конечно, – прошипел в её голове Контролёр. – Сейчас мы доверимся его „интуиции“ и утонем в болоте. Гениальный план, Вероника. Бери управление на себя, пока не поздно!»

Стас не ответил сразу. Он смотрел на лес, и Нике показалось, что он не смотрит, а слушает.

– А риск остаться такими, как мы есть, – сто, – наконец произнёс он.

В его голосе не было упрёка. Была лишь констатация факта, такая же холодная, как её собственные расчёты.

– Ладно, – выдохнула она, делая вид, что уступает не ему, а обстоятельствам. – Проведём полевое тестирование. Но если через час мы упрёмся в болото, возвращаемся и идём по моему маршруту.

Они вошли в лес, и мир изменился. Шум дороги исчез не постепенно – он просто выключился. Воздух стал другим – густым, прохладным, пахнущим влажным мхом и чем-то древним. Он звенел, как натянутая струна.

Тропинка, казавшаяся очевидной снаружи, через сто шагов предательски растворилась, разделившись на три одинаковых следа.

– Развилка, – констатировала Ника, чувствуя, как внутри нарастает тревога перед неизвестностью. Хаос.

– Средняя, – в тот же миг, не колеблясь, сказал Стас.

– На чём основан твой выбор? – не удержалась Ника.

– Я чувствую... там теплее.

«Теплее? – взвыл её Контролёр. – Он что, термометр? Это субъективное ощущение с погрешностью в сто процентов! Мы заблудимся!»

Но спорить было бессмысленно. Она молча кивнула.

Они пошли по средней тропе. Лес вокруг был сказочно красив и одновременно пугающ. Мох на деревьях светился изумрудным, шляпки каких-то грибов переливались перламутром.

Через десять минут ходьбы они вышли на поляну. Посреди неё стояло три огромных валуна. И от них расходились три тропинки. Они вернулись.

– Циклическая топографическая аномалия, – пробормотала Ника, её пальцы забегали по экрану выключенного планшета. – Мы ходим по кругу. Этого не может быть.

– Лес нас не пускает, – тихо сказал Стас.

– Лес – это совокупность флоры и фауны! У него нет воли! – взорвалась Ника. Её бессилие выливалось в ледяной гнев. – Мы просто сделали неверный выбор.

Они вернулись к развилке и, подгоняемые упрямством Ники, свернули направо. Через четверть часа лес расступился, и они вышли к ручью.

Кривой Ручей.

Вода в нём была абсолютно чёрной и неподвижной, как застывшая смола. Её поверхность блестела, как отполированный обсидиан, отражая всё с неестественной, фотографической чёткостью.

Ника осторожно, как сапёр, подошла к самой кромке и наклонилась.

И вскрикнула, отшатнувшись так резко, что едва не упала.

– Что там? – Стас подскочил к ней.

– Моё отражение... – прошептала она, её лицо стало бледным как полотно. – Оно не такое.

Она заставила себя посмотреть снова. Из чёрной, зеркальной глади на неё смотрела не она. Это была женщина, похожая на неё, но словно пропущенная через фильтр отчаяния. Старая, высохшая, с потухшими глазами и глубокими морщинами горечи у рта. На экране планшета в её руках горели два красных слова: SYSTEM FAILURE.

Внутренние голоса Стаса, до этого лениво комментировавшие прогулку, разом замолчали. Тишина в его голове стала оглушительной. Он, нахмурившись, шагнул к ручью и заглянул в чёрное зеркало. И замер.

Он увидел свой триумф. Себя – холёного, в модном пиджаке, с бокалом шампанского. Он стоял в центре сияющей огнями московской галереи. А на постаментах – его работы. Идеально вырезанные, технически безупречные... и абсолютно мёртвые. Бездушные идолы. В глазах его отражения была не восторг победы, а ледяная, безнадёжная пустота предавшего свой дар человека.

Он отпрянул от воды, словно обжегся.

– Что это за место? – прошептал он.

«Крах! – закричал в голове Ники её Контролёр, впадая в панику. – Это всё из-за него! Из-за его нелогичности! Он привёл тебя к твоему провалу! Атакуй! Защищайся! Обвиняй!»

– Это твоя «интуиция» нас сюда завела! – взорвалась Ника. Её страх, подстёгнутый паникой Контролёра, обрушился на него. – Что это было? Коллективная галлюцинация?

– Это то, чего мы боимся, – глухо ответил Стас. Тишина в его голове была тяжелее любого крика.

– Я ничего не боюсь! – отрезала Ника. – Я анализирую факты! А факт в том, что твоё «чувство» привело нас к какому-то проклятому ручью!

– А твои «факты» сделали тебя счастливой? – не выдержал Стас. – Ты загнала в свои графики и меня, и себя, и нашу жизнь! Мы здесь из-за твоих «фактов»! Мы сбежали от твоего идеального, просчитанного мира, потому что в нём нечем дышать!

Воздух между ними затрещал от напряжения.

– Я пытаюсь нас спасти! – почти крикнула Ника.

– Ты пытаешься нас контролировать! – ответил Стас.

Он, не говоря больше ни слова, повернулся, нашёл упавшее через ручей дерево и быстро перешёл на другой берег.

Ника осталась одна. Она посмотрела на его удаляющуюся спину, потом на чёрную воду, в которой прятался её кошмар. Сжав зубы, она тоже шагнула на скользкий ствол.

Они шли дальше вглубь леса, но теперь их разделяла не просто обида, а ледяная пропасть их самых больших страхов.

Глава 8. Точка отчаяния. Рождение Тишины

Прошёл час. Или, может быть, три. Ника потеряла счёт времени. Она брела по колено в чавкающей, пахнущей тиной воде. Её дорогие технологичные ботинки промокли насквозь. Ржавый компас в руке упрямо вёл её вперёд, в самую трясиину. Комары, огромные, как воробьи, облепили её тучей.

Солнце начало стремительно садиться. Она остановилась посреди колышущейся топи. Впереди была только вода и гнилые коряги. Компас продолжал показывать прямо. Тупик.

С криком, в котором смешались ярость и отчаяние, Ника швырнула компас в болото. Он исчез с тихим бульканьем. Она опустилась на ближайшую кочку. Её мир, построенный на логике, рухнул.

В это же время Стас сидел под гигантским дубом на проклятой поляне. Он перестал пытаться уйти. Десятый круг окончательно сломил его волю. Его «тропа покоя» оказалась изощрённой пыткой. Его интуиция, его дар – всё оказалось ложью.

Оба – и логик, и интуит – потерпели полное, сокрушительное фиаско. Они достигли дна.

Ника сидела на уходящей под воду кочке. Весь её внутренний мир был занят одной-единственной, самой страшной из всех мыслью.

Я не знаю, что делать.

Эта мысль была для неё равносильна смерти. Она, которая всегда знала. Она закрыла лицо руками и заплакала. Не истерично, а тихо, горько, безнадежно. Она плакала от страха, от бессилия, от одиночества. И от странного, почти невыносимого облегчения.

Стас опустил голову и прислонился спиной к коре дуба. Он перестал пытаться «чувствовать». Перестал искать выход. Он просто сдался.

Я не могу, – прошелестело в его душе. Это было не поражение, а освобождение.

И вот в этот момент одновременной, тотальной капитуляции, между ними протянулась невидимая, тонкая нить.

Стас вдруг ясно, как наяву, почувствовал её ледяной, липкий страх и удушающее одиночество. Это было не его чувством. Это было её.

А Ника сквозь свои слёзы вдруг ощутила его глухую, тяжёлую боль. Не обиду, а тихую, выжженную пустоту человека, потерявшего самого себя.

– Ника! – крикнул Стас в пустоту.

Стас! – в тот же миг отозвался её голос, но не снаружи, а прямо в его сердце.

Он вскочил. Он больше не выбирал тропу. Он просто побежал туда, куда тянуло его это чувство.

Она встала с кочки. Вода была уже по пояс. Она пошла на его зов, не разбирая дороги.

Они нашли друг друга на краю болота, когда последний луч солнца погас. Грязные, мокрые, измученные. Они бросились друг к другу и молча обнялись.

И в этот миг, в их общем молчании, родилась она. Мёртвая тишина леса вдруг ожила. Она наполнилась шёпотом растущей травы, дыханием мха, биением сердца земли. Она была не снаружи. Она была между ними.

Они сидели на влажной земле, обнявшись, и слушали. Они не нашли Живую Тишину. Они стали ею.

Солнце окончательно село. Лес погрузился в бархатную темноту, но она больше не казалась враждебной. Светящийся мох на деревьях зажёгся ярче, указывая им дорогу домой.

Когда они, поддерживая друг друга, вышли из леса, Яга уже ждала их на крыльце, доедая последний огурец из банки. Рядом с ней, скрестив на груди руки, стоял Веденей.

– Ну что, нагулялись, голубки? – хмыкнула Яга.

– Мы... – начала Ника, но осеклась. Как объяснить то, что произошло?

– Вижу, – сказала Яга. – Принесли. Одна ум из головы в сердце опустила, другой – уши прочистил. Годится. Первый ингредиент есть. Теперь за вторым пойдёте.

Она бросила в темноту огуречный огрызок.

– Надобно мне... Ветер Перемен. Только не простой, а тот, что дует в обе стороны сразу. И чтоб к завтраму управились.

Ника и Стас переглянулись. Это было ещё более абсурдно, чем предыдущее задание. Но теперь в их глазах была не растерянность, а тихий, общий азарт. Они не знали, как выполнить это. Но они знали, что будут делать это вместе.

Глава 9. Уравнение с тремя неизвестными

Утро встретило их запахом блинов и едкого дыма. Яга, напевая что-то похожее на частушки про Кощея, пекла на печи толстые, ноздреватые блины. Рядом, на лавке, сидел Веденей и с неодобрительным видом чинил старый валенок. Вчерашний поход в лес казался лихорадочным сном, но звенящая тишина, поселившаяся внутри Ники, и ясный, спокойный взгляд Стаса были тому неоспоримым доказательством.

Ника, выпавшаяся и отмытая от болотной грязи, подошла к Яге с планшетом, в котором уже был открыт новый проект: «Операция „Ветер Перемен“».

– Доброе утро, – начала она официально. – Нам необходимо уточнить детали по вчерашнему заданию. Объект поиска: «Ветер Перемен». ТЗ: «Тот, что дует в обе стороны сразу». Нам требуются более чёткие спецификации. Каковы его физические характеристики: скорость, температура, плотность? Какова точная геолокация или хотя бы азимут поиска? И, самое главное, каковы критерии успешного выполнения задачи? В какой контейнер его следует поместить?

«Молодец, Ника, – одобрительно хмыкнул в её голове Контролёр. – Структурируй хаос. Загони их абсурд в рамки понятного проекта. Без чёткого ТЗ результат – пишик. Узнай все переменные, прежде чем строить уравнение».

Яга перевернула блин, ловко подкинув его на сковороде.

– Ишь ты, какая деловая, – хмыкнула она, не оборачиваясь. – Контейнер ей подавай. Ветер, милая, в карман не спрячешь. Особенно такой.

– Но как мы поймём, что нашли именно его? – не унималась Ника. – Нужен измеряемый результат. KPI.

– А так и поймёте, – Яга шлёпнула горячий блин на тарелку. – Как найдёте, так внутри у вас что-то... переменится. У одного мозги на место встанут, у другого – руки зачесутся.

Она наконец повернулась и посмотрела на Нику своими пронзительными глазами.

– Ветер Перемен, цифровая ты моя, – это сквозняк. Сквозняк между тем, что было, и тем, что будет. Поймать его можно только там, где ничего никогда не меняется.

Ника зависла. Её Контролёр тоже. Парадокс. Логическая ошибка. Система выдавала Error 404: Logic Not Found.

– Это... это взаимоисключающие понятия, – пробормотала она.

– А то! – радостно подтвердила Яга. – Вся жизнь – сплошное взаимоисключающее понятие.

Стас, который до этого молча наблюдал за сценой, подошёл ближе. Он чувствовал почти физическое облегчение. Ему не нужно было думать, анализировать, строить планы. Нужно было просто слушать.

«Обожаю эту женщину! – ликовав в его голове Шут. – Она говорит на языке поэзии и абсурда! Наконец-то хоть кто-то в этой вселенной не пытается всё разложить по полочкам! Физик, у тебя, наверное, сейчас короткое замыкание?»

«Анализирую, – бесстрастно отозвался Физик. – Заявление содержит логический парадокс, что может указывать либо на дезинформацию, либо на то, что объект „Ветер“ суще-

ствует в многомерном пространстве, где линейная логика не применима. Требуется больше данных».

– Так куда нам идти? – спросил Стас.

Яга хитро прищурилась, отломала кусок блина и протянула ему.

– А вот тебе, сокол, единственная подсказка. Идите по той дороге, что от дома ведёт, пока в дурака не упрётесь. Там и спросите. Всё, брифинг окончен. Ешьте блины и ступайте, а то к закату не обернётесь.

«В дурака?! – взвыл Контролёр Ника. – Это что ещё за критерий поиска? У неё в голове сплошной хаос! Это не план, это – самоубийство!»

Ника хотела возразить, потребовать ещё данных, но Стас мягко коснулся её руки.

– Пойдём, – сказал он. – Разберёмся по ходу.

Она посмотрела в его спокойные глаза и впервые не стала спорить. Вчерашний опыт научил её, что в этом мире её логика – не самый надёжный инструмент.

Они собрали в старый брезентовый рюкзак флягу с водой, остатки блинов и моток верёвки, который Веденей молча сунул им в руки, проворчав: «Пригодится».

– Я отвечаю за навигацию, припасы и оценку физических рисков, – сказала Ника, затягивая лямки рюкзака. Это был её способ справиться с тревогой – структурировать хаос.

– А я – за контакты с необъяснимым, – улыбнулся Стас.

Они вышли на едва заметную, заросшую иван-чаем дорогу. Их поход начался со спора.

– Судя по карте, дорога сворачивает на север через два километра и выходит к заброшенной ферме. Это наиболее вероятный ориентир, – заявила Ника, сверяясь с планшетом.

– А мне кажется, нам нужно будет свернуть раньше, вот у того кривого дуба, – ответил Стас, указывая вдаль.

– На основании чего? – её тон стал ледяным.

– Не знаю. Просто... чувствую.

«Чувствует он! – фыркнул её Контролёр. – Прекрасно. Пока ты тут пытаешься составить маршрут, он играет в оракула. Вероника, бери командование на себя!»

– Давай так, – предложила Ника, пытаясь применить навыки ведения переговоров. – Дойдём до дуба. Если там не будет явных признаков тропы, мы идём по моему маршруту. Это компромисс.

– Договорились, – легко согласился Стас.

Они шли в напряжённом молчании. Ника чувствовала раздражение от его детской веры в «чувства». Стас – от её недоверия. Их хрупкое единство, рождённое вчерашней ночью, уже трещало по швам под давлением старых привычек. Они были снова не командой, а двумя конкурирующими системами.

И оба ещё не знали, что этот абсурдный квест был придуман Ягой не для того, чтобы они что-то нашли. А для того, чтобы они наконец-то перестали искать.

Деревня, где остановилось время

Дорога была старой, едва заметной. Она петляла между полей, поросших иван-чаем, и перелесков, где пахло грибами и прелой листвой. Мир снова стал почти обычным, и Ника почувствовала, как её Контролёр оживает, пытаясь взять реванш. Она сверялась с GPS, отмечала в уме ориентиры, строила прогнозы.

– Через пятьсот метров должен быть поворот, – уверенно заявила она. – А твоего кривого дуба на карте нет. Наверное, срубили.

Стас ничего не ответил. Он просто шёл, наслаждаясь отсутствием внутреннего шума. Его «слух» возвращался, но теперь это было не ожидание чуда, а простое внимание к жизни вокруг. Он заметил, как ястреб кружит в небе, как ящерица юркнула под камень.

И тут за поворотом они увидели деревню. На покосившемся столбе висел выцветший указатель: «Верхние Глухари». Она появилась внезапно, словно проявилась из тумана, и её не было ни на одной карте Ники.

«Аномалия, – констатировал её Контролёр, но на этот раз в его голосе была не паника, а холодное любопытство. – Незарегистрированное поселение. Интересно. Нужно собрать данные».

Деревня была странной. Дома, хоть и старые, были крепкими, с резными наличниками, на окнах – чистые занавески, в огородах – ни одного сорняка. Но на улицах не было ни души. Ни лая собак, ни мычания коров, ни детских криков. Стояла звенящая, почти неестественная тишина.

– Покинутое поселение? – предположила Ника. – Но всё выглядит так, будто хозяева только что вышли.

– Они здесь, – тихо сказал Стас. – Я их чувствую. Они... ждут.

На завалинке у самого первого дома они увидели его. Старик в застиранной рубаше и лаптях сидел, сгорбившись, над шахматной доской, установленной на перевёрнутом ведре. Напротив него, с невозмутимым видом, сидел огромный, чёрный, как смоль, кот.

Яга сказала: «...пока в дурака не упрётесь». Ника посмотрела на старика, потом на Стаса. Неужели?..

– Шах, – произнёс старик, передвигая ладью. Кот лениво моргнул и демонстративно зевнул. – Эх ты, Васька! Опять зевнул ход! Думать надо! Стратегически!

Ника и Стас подошли ближе.

– Простите, – вежливо начала Ника, переходя в режим сбора информации. – Мы ищем...

– А чего его искать-то? – перебил старик, не поднимая головы. – Счастье-то? Оно не в поиске, оно в ожидании. Вот мы с Васькой ждём, когда он ход сделает. Третий час ждём.

«Так, – включился Контролёр Ники. – Субъект уходит от ответа. Использует демагогию. Нужно переформулировать вопрос. Более конкретно».

– Мы ищем не счастье, – терпеливо продолжила Ника. – Мы ищем Ветер Перемен. Нам сказали, что вы можете знать, где он.

– А-а, вон оно что, – старик наконец поднял на них свои удивительно ясные, цвета летнего неба, глаза. – Ветер, говорите? Так он завсегда здесь. Только дует хитро.

– Вы не подскажете, где именно? – Ника пыталась вернуть разговор в конструктивное русло.

– А ты, милая, куда торопишься? – старик снова посмотрел на доску. – Жизнь – она как шахматы. Думаешь, самый умный, ходы просчитываешь, а тут кот возьмёт и лапой все фигуры смахнёт. И начинай сначала.

Ника сжала кулаки. Этот разговор был абсолютно неэффективен.

Стас же молча присел на корточки рядом. Он смотрел на доску, на кота, на старика. Он не пытался получить информацию. Он просто присутствовал. Его внутренний Шут был в восторге от этого театра абсурда. Прошло несколько минут в полном молчании, нарушаемом только жужжанием пчелы.

– Хорошая позиция, – наконец сказал Стас, кивая на доску. – У коня.

Старик посмотрел на него с живым интересом.

– Видишь? – он кивнул на Нику. – А она только фигуры видит, а игры – нет. Она думает, что со мной разговаривает. А я – так, для отвода глаз. Разговаривать надо с главным.

Он посмотрел на кота.

Ника чуть не застонала от досады.

Стас улыбнулся. Он понял. Он посмотрел коту прямо в его зелёные, потусторонние глаза.

– Уважаемый, – совершенно серьёзно обратился он к коту. – Не подскажете, где здесь дует Ветер Перемен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.